

ИППОЛИТ

Опровержение всех ересей

Книга первая

1. Предварительные замечания

Первая книга «Опровержения всех ересей» Ипполита (вкупе с отдельными разделами последующих) представляет собой краткую историю античной философии. Со времен ее публикации Германом Дильсом в составе *Doxographi graeci*¹ считается, что Ипполит просто копировал из более ранних и подробных источников, составив в результате краткую и несколько фрагментарную историю, которой нам теперь приходится довольствоваться за неимением лучшего.² Однако сравнительный текстуальный анализ показывает, что подобный подход слишком упрощает ситуацию. В действительности Ипполит, по-видимому, использует не один и не два (как думал Дильс), а несколько неизвестных нам источников, причем так, как ему удобно, в соответствии с явными и неявными целями, которые он преследует. Для того чтобы еще яснее увидеть это, необходимо более детально рассмотреть связь первой книги «Опровержения» с другими частями ересиологической суммы Ипполита и с доксографическими сообщениями различных античных авторов. Следуя методологии, предложенной К. Осборн, а затем Дж. Мансфельдом,³ в тексте Ипполита можно вычленить несколько независимых источников и сопоставить их с другими данными.

Следует иметь в виду, что традиционное со времен Дильса разделение на биографические и доксографические сообщения в данном источнике не может быть последовательно проведено. Впрочем, сам Дильс также признавал, что эти два жанра у Ипполита смешаны, считая, правда, что они соблюдались в используемых им источниках. Как известно, он полагал, что первая книга составлена (полностью или по большей части) на основе двух источников. Первый источник (главы 1–4 и 17–25) представлял собой какой-то ранний биографико-доксографический компендий, а второй (главы 6–16) мог в конечном итоге восходить к *Physikon Doxai* Теофраста. Глава 26,

посвященная Гесиоду, стоит особняком. Это деление было принято П. Вендландом в его издании «Опровержения», вышедшем после смерти издателя в 1915 г. В новом издании М. Маркович этого деления не проводит, предпочитая в критическом аппарате ссылаться на параллельные места у других античных авторов, в том числе довольно поздних. Это последнее обстоятельство показывает, что источник Ипполита мог быть поздним, так как во многом параллелен «Жизнеописанию Пифагора» Порфирия и «Дидаскалик» Алкиноя.⁴ Кроме того, часть данных о древних философах, в особенности те, которые приводятся в последующих книгах, могут происходить непосредственно из гностических текстов, которые пересказывает и критикует Ипполит, что еще более осложняет ситуацию.

Кэтрин Осборн посвятила этой проблеме специальное исследование. По ее представлению (и с этим трудно не согласиться), Ипполит планировал свое изложение заранее, с целью последующего сопоставления отдельных философских школ с гностическими учениями, критика которых и была основной целью написания «Опровержения». Следовательно, он должен был подходить к своему материалу избирательно. Он имел доступ к хорошему материалу по Гераклиту (Ref. IX 9,1 – 10,8) и Эмпедоклу (VII 29–31 и др.), поэтому вполне мог бы лучше рассказать об этих философах в главах 3–4 первой книги, если бы целью написания этой книги действительно было изложение истории философии. Очерк пифагорейской доктрины во второй главе достаточно основателен; следовательно, заключает Осборн, первый из источников книги, выделенный Дильсом, должен был, вопреки мнению последнего, быть достаточно подробным. По мнению английской исследовательницы последующие главы 6–9 (Анаксимандр, Анаксимен, Анаксагор, Архелай) отличаются по своей структуре от того, что было до них и идет после, а следовательно, могут восходить к Теофрасту. Затем, закончив «физиков» и перейдя к «этикам» (гл. 10), Ипполит вновь возвращается к досократикам, осознав (на основе иного источника?), что на этом история не заканчивается. Но зачем он пишет о Пармениде, Левкиппе, Демокрите и т.д., если не планирует их использовать в дальнейшем? Таким образом, главы 6–9 восходят к одному источнику, а главы 1–4 и 11–16 к другому (первому, выделенному Дильсом).⁵ Не вдаваясь в дальнейшие детали, можно заключить, что предложенная Осборн схема написания первой книги «Опровержения» настораживает тем,

¹ Berolini, 1879: 553–576.

² Дильс считал Ипполита достаточно надежным источником. Современные авторы склонны доверять его свидетельствам с большей осторожностью.

³ Osborne 1987; Mansfeld 1992.

⁴ Подробнее см. исследования Mejer 1978: 83f; Dillon 1996: 410f (Диллон 2002: 395 сл.).

⁵ Osborne 1987: 191, 206, 219.

что в соответствии с ней оказывается, что Ипполит достаточно произвольно выписывает отдельные разделы из различных источников, не особенно заботясь о последовательности и стиле изложения.

Эту схему подвергает критике Мансфельд, считая, что Ипполит использует три или четыре (глава 18 и далее) источника, или, лучше, традиции. То есть, первые шестнадцать глав возводятся теперь не к двум источникам (глл. 1–4 // 6–16), как у Дильса, и не к трем источникам с авторскими поправками (1–4 // 6–9 // 11–16), как у Осборн, а к четырем «традициям», разумеется, с авторскими поправками и дополнениями из неизвестных дополнительных источников (1 // 2–4 // 6–9 // 11–15 //16).⁶ Возражает Мансфельд и против упрощенного представления Дильса, который считал, что вся информация, восходящая к Теофрасту (то есть второй источник), хороша, а все остальное (первый источник) – позднее и хуже. Разные главы первой книги отличаются друг от друга своим стилем и содержанием, однако не качеством. При этом присутствие в сумме Ипполита нескольких «традиций» не исключает возможности того, что сам он копировал *один* текст, сформировавшийся ко второму веку на основе длительной доксографической традиции. Кроме того, главы со второй по четвертую расцениваются Мансфельдом как написанные под влиянием среднеплатонической и неопифагорейской философии и в этом качестве имеющие самостоятельное значение для истории платонизма первого-второго веков н.э. Эти «платонико-пифагорейские» главы выглядят как вставка в последовательное изложение того, что представляет собой ионийское преемство (Фалес, Анаксимандр, Анаксимен). Действительно, в пятой переходной главе говорится, что «рассмотрев философию школы Пифагора (τὴν ἀπὸ Πυθαγόρου), нам следует, в соответствии с преемством, вернуться (ἀναδραμεῖν ἐπὶ) к мнениям тех, которые пришли после Фалеса (τοῖς μετὰ Φαλῆν)».⁷ В этой же главе говорится, что Ипполит рассматривает весь раздел о «физиках» как состоящий из соединения (или переплетения) двух преемств, первое из которых восходит к Фалесу, а второе – к Пифагору, что делает вставку более или менее оправданной. Аналогично в 17 главе говорится, что «рассмотрев мнения всех физиков» нам следует «вернуться» к Сократу и Платону, потому что в терминах преемства глава о Сократе должна идти после Архелая, так как первый учился у последнего. Следовательно, заключает,

⁶ Mansfeld 1992: 7.

⁷ Подробный анализ этой фразы и оценку ее значения для понимания структуры книги см. Mansfeld 1992: 15f.

Мансфельд, Ипполит понимал, что он делал: он пытался совместить то, что можно назвать философскими традициями, или «преемствами», с систематическим разделением философии на физику, этику и логику, используя для этого различные источники.

2. Структура и содержание первой книги «Опровержения» в контексте дополнительных данных

А. Ионийское преемство

Учение Фалеса интересует Ипполита в качестве модели для некоторых гностических космологий. Вода является универсальным началом и движима некой внешней («ператы») или внутренней («сетиане») силой (V 12–22). Согласно «наассенам» (9, 13), змей-наас имеет влажную природу, поскольку «как учил Фалес Милетский, ничто из сущего, смертное или бессмертное, одушевленное или неодушевленное, не может возникнуть без ее помощи. Она есть основа всего, в ней заключено всякое благо, и все к ней стремится, как железо к магниту.

Доксографическое свидетельство из первой книги говорит о том же и по структуре ближе всего сообщению Аэция (I 3, 1). Говорится следующее (*Refutatio* I, 1, 1–4, перевод А.В. Лебедева; полный текст см. в дополнении к данной статье): «Сообщают, что Фалес Милетский, один из семи мудрецов, первым принялся за философию природы. Он говорил, что начало и конец всего – вода <...> И все произрастает и течет в ладном согласии с природой предка-родоначальника (τοῦ πρώτου ἀρχηγού τῆς γενέσεως), от которого все произошло». Далее говорится, что он первым из эллинов начал изучать звезды и искать первопричину всего. Затем приводится история о том, как Фалес упал в колодец, наблюдая звезды и некая фракийская служанка смеялась над ним, говоря, что он, наблюдая небо, не видит то, что лежит под ногами. Эта последняя история известна из *Тезета* Платона (174 а 4) и повторяется у Диогена Лаэртия (I 34). Наконец сообщается, что он жил во времена Креза, что подтверждается, в частности, Геродотом (I, 75). Очевидно, что это доксографическое свидетельство может быть интерпретировано в контексте гностических учений. Кто этот предок-родоначальник, в ладном согласии с природой которого (очевидно, «водной» природой) все происходит? По-видимому, змей или «изливающийся вовне» Хаос *Гимна наассенов*.

В отличие от Псевдо-Плутарха Ипполит не называет философию, родоначальником которой считается Фалес, ионийской. Приведу это свидетельство для сравнения (перевод А.В. Лебедева):

Мнения философов, I, 3 (“О началах”), 1: «Фалес Милетский утверждал, что начало сущих [вещей] – вода. (Сей муж считается зачинателем философии, и по нему была названа ионийская школа: ведь философских преемств было множество. Изучив философию в Египте, он вернулся в Милет постарше. – *Эти слова отсутствуют у Стобея; вставка Псевдо-Плутарха.*) Все из воды, говорит он, и в воду все разлагается. Заключает он [об этом], во-первых, из того, что начало всех животных – сперма, а она влажная; так и все [вещи], вероятно, берут [свое] начало из влаги. Во-вторых, из того, что все растения влагой питаются и [от влаги] плодоносят, а лишённые [ее] засыхают. В-третьих, из того, что и сам огонь Солнца и звезд питается водными испарениями, равно как и сам космос. По этой же причине и Гомер высказывает о воде такое суждение: “Океан, который всем прародитель”».

Затем следуют три главы, посвященные «пифагорейской философии», которая, напротив, эксплицитно названа италийской. Об этом см. ниже. В пятой главе подводится предварительный итог, говорится, что физическая философия, восходящая к Фалесу и Пифагору, затем продолжилась этической и логической, причем основателем этической философии был Сократ, а диалектической – Аристотель. После этого ионийское преемство продолжается (I 6, 1–7): «Слушателем Фалеса становится Анаксимандр. Анаксимандр, сын Праксиада, милетец. Сей сказал, что начало сущих [вещей] — некая природа бесконечного, из которой рождаются небосводы и космос в них <...> Родился он в третий год сорок второй олимпиады [610 г. до н. э.]. Структура этого сообщения повторяется в последующих главах, вплоть до Архелая, что указывает на общий источник: вначале называется имя и происхождение, а в конце – время жизни. Первая фраза выглядит как глосса, отсылающая к первой главе.

Седьмая глава посвящена Анаксимену (I 7, 1 сл.): «Анаксимен, тоже милетец, сын Эвристрата, полагал, что начало – бесконечный воздух, из которого рождается то, что есть, что было и что будет, а также боги и божественные существа, а [все] прочие [вещи] – от его потомков <...> Таковы воззрения Анаксимена. Он был в расцвете в первый год пятьдесят восьмой олимпиады [548/547 г. до н. э.]».

Затем идет Анаксагор (I, 8, 1 сл.): «После него был Анаксагор, сын Гегесибула, клазоменец. Он считал началом всего ум и материю: ум – как творящую причину, материю – как становящуюся. Все вещи были вперемешку, а ум пришел и упорядочил. Материальные начала, по его словам, бесконечны [по числу], и малость их тоже бесконечна <...> Он был в расцвете * * * <а умер> в первый год восемьдесят

восьмой олимпиады [428/7 г. до н. э.]; в том же году, как сообщают, родился Платон. Про него говорят также, что он был провидцем».

Завершается преемство Архелем: I, 9, 1 сл.: «Архелай, афинянин родом, сын Аполлодора. Он учил о смеси материи подобно Анаксагору и в учении о первоначалах держался таких же взглядов. Но, по его учению, в разуме (νοῦς) изначально налично некоторое количество смеси <...>». На этом последнем ионийское преемство заканчивается. Именно, в первом предложении десятой главы сказано: «Физическая философия..., восходящая к Фалесу, продолжалась до Архелая, чьим учеником был Сократ». Подобное – промежуточное между «физической» и «этической» философией – место отводит Архелая и Секст Эмпирик (Против ученых, VII, 14). Первая фраза восемнадцатой главы о Сократе также возвращает к предыдущему: «Сократ был слушателем Архелая физика».

Эта схема традиционна, что подтверждается последовательностью разделов у Псевдо-Плутарха (Аэция), Мнения философов I 3: разделы 1–7 посвящены ионийской философии от Фалеса до Архелая, а с 8-й начинается пифагорейская философия (Пифагор, Гиппас и Гераклит, и т.д.). Как уже отмечалось, в отличие от Псевдо-Плутарха (I 3, 7) и Стобея (I 10, 12), Ипполит не называет это преемство ионийским, однако в главе, посвященной Пифагору, говорится об «италийской» философии.⁸ В Ref. I 2 сообщается, что с Пифагора начинается «другая» традиция философии, что находит соответствие у Псевдо-Плутарха (I 3, 8), где сразу после окончания изложения ионийской философии говорится, что с Пифагора, который назвал философию этим именем, она получила «новое начало». Параллели и значительные текстуальные соответствия указывают на то, что эти два источника восходят к одной доксографической «традиции».⁹

⁸ У Стобея (Ecl. Phys. I, p. 123, 7–11) в ионийское преемство вставлены две кратких главы о Ксенократе и Ксенофане (в этой последовательности), которые Дильс помещает как Aet. I 3, 23 и 12 (соответственно). Как отмечает Мансфельд, эти вставки едва ли происходят от Теофраста. Неуместность этих вставок подтверждается арабским переводом Псевдо-Плутарха и Евсевием: Mansfeld 1992: 22, fnt 9–10.

⁹ Мансфельд считает, что, поскольку обозначение досократической философии термином ἄρρεσις не встречается в ранней литературе (и даже у Диогена Лазартия I 18 она не входит в состав десяти «толков»), можно предположить, что Псевдо-Плутарх и Ипполит опираются на относительно поздний источник, возможно, не ранее первого столетия до н.э. Mansfeld 1992: 25–26.

Б. «Пифагорейская традиция»

Материалы, которые Ипполит предоставляет о «пифагорейской традиции», в том виде как она осмысливалась в период поздней античности, важны и достаточно своеобразны. Возвращаясь к ионийской философии в пятой главе, Ипполит говорит, что «после Пифагора, Эмпедокла и Гераклита» было много других физиков, однако их мнения не заслуживают отдельного рассмотрения, так как не очень отличаются от мнений их предшественников: в отличие от ионийских физиков, среди пифагорейцев царил гармония и согласие. Возможно, Ипполит имел в виду философов пифагорейцев, вроде тех, которые упоминает Ямвлих в своем каталоге. Аналогичным образом, Псевдо-Плутарх кроме Пифагора из древних пифагорейцев упоминает лишь Гиппаса, причем в одном разделе с Гераклитом, поскольку оба считали огонь началом всего (I, 3, 7). Примечательно также, что Экфанту (пифагорейцу: ср. Jambl., *De vita pyth.* 143, 20 sq.) Ипполит посвящает отдельную главу, помещая его вне италийского преемства, и этот факт нуждается в дополнительном объяснении (см. ниже). В десятой главе, сообщив, что физическая философия началась с Фалеса и продолжилась до Архелая, чьим учеником стал Сократ, Ипполит вновь говорит, что существует еще много противоположных мнений различных физиков о божественном и природе как целом, однако для того, чтобы рассмотреть их все потребовалось бы слишком много места. Поэтому в последующих главах (11–16) он ограничится наиболее важными фигурами (*κορυφαίον*), поскольку в них можно усмотреть основу для всех последующих построений.

Сообщение об Эмпедокле, следующее сразу после главы о Пифагоре, достаточно примечательно. Само по себе помещение Эмпедокла в рамки пифагорейской традиции достаточно традиционно для поздней доксографической литературы. Согласно Суде (s.v.), например, Эмпедокл «учился у Парменида... другие утверждают, что Эмпедокл был учеником Телавга, сына Пифагора». Диоген Лаэртский (VIII 51, 54) сообщает: «Телавг, сын Пифагора, говорит в письме к Филолаю (Thesleff 1965: 189), что Эмпедокл был сыном Архинома... О том, что он слушал Пифагора, сообщает Тимей, говоря что его изобличили тогда в плагиате и, как и Платону, запретили посещать лекции» и т.д.

Глава выглядит банальной, учитывая тот обильный материал об Эмпедокле, который предоставляет Ипполит в последующих книгах:

прежде всего в большом разделе VII 29,¹⁰ а также в VI 11 = fr. 522 (B 109). Задача доксографа, очевидно, состоит в том, чтобы вписать его в пифагорейский контекст.

Следующая затем глава о Гераклите практически ничего не сообщает о нем. По сути, он лишь сравнивается с Эмпедоклом, очевидно для того, чтобы подтвердить обоснованность включения его в ту же традицию. Разумеется, если бы это было нужно, Ипполит мог бы написать о Гераклите очень много, что он и делает в последующих книгах (прежде всего, в девятой), являясь, в конечном итоге одним из важнейших наших источников о его философии.

С. «Скептическая традиция»

Ключом, открывающим тайну следующего раздела книги, оказывается глава 14, посвященная Ксенофану. Прежде всего, примечательно ее расположение между главами 11–13, посвященными Пармениду, Левкиппу и Демокриту, с одной стороны, и главами 15–16 об Экфанте и Гиппоне, с другой. Следующими идут Сократ и Платон. Оказывается, что Ксенофан «первым утверждал непостижимость всех вещей». Далее следует доксографическое сообщение с обычной структурой. Еще Дильс высказал предположение, что в исходном источнике эта глава должна была идти перед сообщением о Пармениде, что доказывается отсутствием логической связи между последним предложением десятой главы и первой фразой одиннадцатой. Возможно, в дополнение к ионийской и италийской линиям, источник Ипполита сообщал о третьем преемстве, элейском, как это наблюдается, к примеру, у Климента Александрийского (Строматы, I 62, 1; ср. Euseb. PE X 14, 9–16; ps. Gal. Philos. hist. = DG 598, 21 sq.; напротив: Diog. Laert., I 13 sq.). Дальнейшее изложение скомкано. Биографические данные Левкиппа отсутствуют, однако сообщается, что он учился у Зенона (который более вообще не упоминается). Сообщение о Демокрите более подробно, так же как и, парадоксальным образом, следующая за ним глава о Ксенофане. Очевидно, перед нами сознательно искаженное преемство Ксенофан – Парменид – Зенон – Левкипп – Демокрит. Позволительно спросить, с какой целью? Ксенофан, как и Пиррон впоследствии (гл. 23) называются основателями «скептической» философии. Это замечание, скорее всего, принадлежит самому Ипполиту. Неуместным в этой главе выглядит и предложение о Метродоре Хиосском, ученике

¹⁰ VII 29, 5 = fr. 160 Bollack (A 33 DK); VII, 29, 26 = fr. 699 (B 110 DK) и др.

Демокрита. Однако, как замечает Мансфельд (Mansfeld 1992: 33), это обстоятельство перестает выглядеть загадочным, если вспомнить, что Метродор также известен как скептический философ, что подтверждается свидетельством Цицерона (Acad. Pr. I 73): «Величайший поклонник Демокрита Метродор из Хиоса говорит в начале своего трактата *О природе*: “Я отрицаю, что мы знаем о том, знаем ли мы нечто или не знаем ничего, и т.д.”». Климент Александрийский (Стром., I 64, 2–4) также помещает его в рамки единой «скептической» традиции: Ксенофан – Парменид – Зенон – Левкипп – Демокрит – Протагор и Метродор – Диоген Смирнский – Анаксарх – Пиррон – Навсифан – Эпикур.

Ипполит предупреждает читателя, что он сообщает о большинстве философов избирательно, но его дальнейший выбор – Экфант и Гиппон – также примечателен. Экфант, иначе известный как пифагореец (De vita Pyth., 143, 20 sq.), согласно источнику Ипполита «утверждал, что достичь истинного знания о сущем невозможно и что [каждый] определяет его по собственному разумению», что оправдывает его положение в рамках предложенной нашим автором схемы. Гиппон, обычно рассматриваемый как поздний последователь Фалеса и пифагореец (De vita Pyth., 267; Arist., De anima A 2, 405b1 и др.), вероятно, как-то ассоциируется в глазах Ипполита с Экфантом.

Итак, независимо от того, признаем ли мы, что главы 15–17 происходят из источника, в конечном итоге восходящего к Теофрасту, как считал Дильс, или же из какого-либо другого (как доказывает Mansfeld 1992: 38), ясно, что Ипполит сознательно конструирует «прото-скептическую» традицию, предшествующую и во многих отношениях противостоящую академическому скептицизму, начало которой датируется примерно тем же временем, что и две другие – «физика» Фалеса и «италийская» философия Пифагора.

Д. Философия после Платона

О Платоне Ипполит говорит несколько раз, причем Платон первой книги существенно отличается от того «пифагорейца», который рисуется в последующих. Данный очерк платоновской философии, несмотря на некоторую отрывочность, содержит несколько интересных формулировок, иначе как из этого текста не известных, и восходит к тому, что можно (гипотетически) назвать базовым учебником платонизма, которым «пользовались», после Ария Дидима, такие авторы как Апулей, Алкиной или Климент. Из него же почерпнул сведения о платонизме и тот доксограф, которого использовал Ипполит.

Затем идет глава об Аристотеле. Наряду с достаточно верным изложением Аристотелевой теории категорий и этики, в этом уникальном сообщении Аристотелю приписывается стоическое учение о существовании души после гибели тела. Эксплицитно стоическим это учение называется Цицероном (*Туск.* I 77), Сенекой (*Письма* 57, 7), Лактанцием (*Божеств. установления* VII 20) и большинством доксографов: Арий Дидим (ар. Euseb., *Prepar. Euang.* XV 20, 6=fr. 39.5–6 Diels) сообщает, что души «погибают не сразу после отделения от тела, но сохраняются еще некоторое время в своем собственном виде», причем «души достойных сохраняются вплоть до разрешения всего в огонь, а души немудрых – в течение небольшого времени» (пер. А. Столярова). Сообщение Псевдо-Плутарха в точности соответствует предыдущему (*Мнения физиков*, IV 7, 3). Ему вторят Феодорит (V 23), Тертуллиан (*О душе*, 54–55), Псевдо-Гален (*История филос.* 24, 613.17 Diels) и целый ряд других авторов. Ни в одном из этих сообщений имя Аристотеля не упоминается. Ипполит же не только приписывает Аристотелю это учение, но и отождествляет эфир и пневму. Примечательно, что в следующем разделе о стоиках слово «пневма» не употребляется даже там, где оно необходимо по смыслу.

Краткие, но сбалансированные сообщения о стоиках и Эпикуре по-видимому происходят из «хорошей» доксографии, чего не скажешь о маленькой главке об «академиках». Иллюстрация Ипполита к знаменитому *ducunt volentem fata, nolentem trahunt* (Sen., Ep. 107, 11) параллелей не имеет.

Доксографические сообщения Ипполита и пространная цитата из Гесиода в 26 главе даются в опубликованных переводах на русский язык в тех случаях, когда они доступны. Основные части глав 1, 3, 4, 6–9, 14–16, 26 (стихотворный отрывок) воспроизводятся в переводе А.В. Лебедева, главы 12–13 – в переводе А.О. Маковельского, с небольшими исправлениями. Остальные разделы переведены автором данной публикации, который выражает благодарность А.И. Щетникову за сверку математических фрагментов второй главы.

Е. В. Афонсин
www.nsu.ru/classics/

Использованная литература

- Burkert W., Gemelli Marciano L., Matelli E. & Orelli L., eds.,
Fragmentsammlungen philosophischer Texte der Antike — Le
raccolte dei frammenti di filosofi antichi, Aporemata 3, Göttingen:
Vandenhoeck & Ruprecht, 1998.
- Dillon J. The Middle Platonists. Cornell: University Press, 1996 (русс. пер.:
СПб., 2002).
- Eijk Ph. J. van der, ed. Ancient Histories of Medicine: Essays in Medical
Doxography and Historiography in Classical Antiquity. Studies in
Ancient Medicine 20, Leiden etc.: E. J. Brill, 1999.
- Mansfeld J. Heresiography in Context: *Hippolytus'* Elenchos as a Source for
Greek Philosophy, *Philosophia antiqua* 56, Leiden: E.J. Brill, 1992.
- Mansfeld J. 'Sources', in The Cambridge Companion to Early Greek
Philosophy, Long, A.A. (ed.). Cambridge: CUP, 1999, 22–44, 367–
371 (bibliography).
- Mejer J. Diogenes Laertius and his Hellenistic Background. Wiesbaden,
1978.
- Osborne C. Rethinking Early Greek Philosophy: Hippolytus of Rome and
the Presocratics. London, 1987.
- Thesleff H. The Pythagorean Texts of the Hellenistic Period. Åbo, 1965.

ИППОЛИТ. Опровержение всех ересей, книга первая

[Предисловие опущено]

1. Фалес

(1) Сообщают, что Фалес Милетский, один из семи мудрецов, первым принял за философию природы. Он говорил, что начало и конец всего – вода. (2) Ибо все образуется из воды путем ее затвердевания [~ замерзания] или испарения. Все плавает на воде, от чего происходят землетрясения, вихри и движение звезд. (4) И все произрастает и течет в ладном согласии с природой предка-родоначальника (τοῦ πρώτου ἀρχηγού τῆς γενέσεως), от которого все произошло. Богом он считал вот что: «То, у чего нет ни начала, ни конца». (4) Именно он, проводя рассуждения и изучая звезды, первым стал учителем эллинов в [науке] о причинах. Созерцая небо и интересуясь лишь тем, что вверху, упал в колодезь; за это был осмеян некой служанкой фракиянки, сказавшей: «Стремясь увидеть то, что на небе, под ноги не смотришь».¹¹ Жил он во времена Креза.¹²

2. Пифагор

Примерно в это же время появилась и другая философия, основателем которой был Пифагор, происходивший, как некоторые говорят, с Самоса. Она получила название италийской, потому что Пифагор бежал от Поликрата, самосского тирана, и обосновался до конца своих дней в одном из италийских городов. Приверженцы этого толка (ἄρестις) не очень удалились от его собственных суждений. (2) Исследуя естественные явления, он соединил астрономию, геометрию, музыку [и арифметику]. Божество он назвал монадой и, внимательно исследовав природу числа, пришел к выводу, что космос мелодичен и гармонично устроен; он впервые распределил движение семи звезд согласно ритму и мелодии. (3) Удивившись устройству всего [космоса], он предписывал ученикам сначала хранить молчание, как если бы они входили в этот мир посвящающимися в [тайнства] мироздания. Затем, убедившись в том, что они хорошо освоили его учение и могут уверенно рассуждать о звездах и природе на философский манер, и достигли нужной чистоты, он позволял им говорить. (4) Своих учеников он разделял, одних называя эзотериками, а других – экзотериками. Первым он открывал более совершенные

¹¹ Ср. Платон, *Теэтет* 174 а 4; Диоген Лаэртий I 34.

¹² Ср. Геродот I, 75.

учения, а вторым – более умеренные. (5) Он был, как говорят, знатоком магии и изобрел физиогномику.¹³

Положив в основание определенные числа и меры, он учил, что они охватывают начала числовой философии, составленные следующим образом. (6) Счет является первым принципом – единым, неопределенным, непостижимым, содержащим в себе все числа, распространяющиеся до бесконечности при посредстве [принципа] множественности. Началом чисел в качестве ипостаси становится прежде всего первая монада, которая есть мужская монада, порождающая подобно отцу все прочие числа. Во-вторых, диада выступает в качестве женского числа, она же в арифметическом смысле называется четной. (7) В-третьих, триада является мужским числом. Арифметически это число называется нечетным. Их дополняет тетрактида, женское число, также называемое четным, так как оно женское. (8) Так что от рода [ἀπὸ γένους] происходит всего четыре числа, – однако число есть неопределенный род, – из него составляется, как они считают, совершенное число, декада. Ведь один, два, три и четыре в сумме составляют десять, если для каждого числа будет сохранено присущее ему имя. (9) Ее Пифагор называл священной тетрактидой, «вечной природы исток [и] корень содержащей»¹⁴ в себе; от этого числа все остальные числа берут свое начало. Ведь [числа] одиннадцать, двенадцать и прочие получают начало своего бытия от десяти. Из десяти, этого совершенного числа, [выводятся] так называемые четыре части: число, монада, дюнамис [=квадрат] и куб.¹⁵ (10) Соединение и смешение их ведет к началу (γένεσις) роста, согласно природе завершая порождающее число. Ведь квадрат при умножении на себя [κῶβισθῆ] порождает квадрато-квадрат, а квадрат на куб <составляют квадрато-куб, а куб на куб> дают кубо-куб. Так что всего чисел, от которых все берет начало, семь: число, единица, квадрат, куб, квадрато-квадрат, квадрато-куб и кубо-куб.

(11) Он утверждал также, что душа бессмертна и переселяется из тела в тело. Поэтому он утверждает, что до троянской эры он был Эталидом [уроженцем Эталии], во время Троянской войны – Эвфорбом, затем – Гермотимом Самосским, потом – Пирром Делосским, и, в-пятых,

¹³ Физиогномика, учение о распознавании душевных качеств по физическим признакам (ср. заглавие сочинения Аристотеля).

¹⁴ Ср. Пс.-Плутарх, *Мнения философов* I 3, 8.

¹⁵ О терминах ἀριθμός (x), μονάς, δύναμις (x²), κύβος (x³), δυναμοδύναμις (x⁴), δυναμῶκύβος (x⁵), κῶβόκύβος (x⁶) и т.д. см. Diophanti *De arithm.* I, p. 2 sq.

Пифагором.¹⁶ (12) Диодор из Эретрии и Аристоксен-музыковед¹⁷ говорят, что Пифагор посетил Халдея Зарату [=Зороастра], а тот изложил ему учение, согласно которому есть две изначальные причины вещей: отец и мать, отец – свет, мать – тьма, части света – горячее, сухое, легкое, быстрое; части тьмы – холодное, влажное, тяжелое, медленное; из них, из женского и мужского начала, состоит весь космос. (13) Космос по своей природе есть музыкальная гармония. Так солнце совершает свой оборот гармонично. Касательно того, что вышло из земли и о космосе, по их словам, Зарата учил так. Существует два демона, один небесный, а другой подземный (χθόνιον). Земной осуществляет творение из земли, то есть из воды; небесный же <из космоса, который есть> огонь, причастный [природе] воздуха, горячего и холодного. Поэтому, по его словам, ничто из этого не разрушает и не загрязняет душу, так как такова сущность всех вещей.

(14) Он, как говорят, заповедовал ученикам не употреблять в пищу бобов,¹⁸ потому что Зарата учил, что в начале и в период утверждения всего, когда земля еще проходила стадию затвердевания и гниения, возникли <одновременно люди> и бобы. В доказательство он приводил следующее наблюдение: если разжевать боб без кожуры и поместить на солнце на некоторое время, то немедленно можно увидеть результат – он начнет пахнуть как человеческое семя. (15) Указывает он также и на другой пример. Если, в период цветения бобов, взять боб и его цветок и поместить их в глиняный горшок, смешать и закопать в землю, то, откопав через несколько дней, мы увидим, что он сначала будет выглядеть как женские гениталии (αἰσχύνη), а затем, после детального рассмотрения, там можно увидеть голову развивающегося ребенка.

¹⁶ Ср. Софокл, *Электра*, 62: «Уже не раз видали мудрецов, / Умирающих ложно – на словах: потом, домой / Вернувшись, они снискали больший почет». Схолии к этому месту = СУДА, под словом ἤδη, «уже»: Запершись в подземелье, Пифагор велел своей матери распространять слухи о том, что он умер, а затем явился [народу] и стал рассказывать всякие чудеса о новом рождении [палингенесии] и о том, что в Аиде. Живым он рассказывал об их [умерших] близких, с которыми он, по его словам, встречался в Аиде. Благодаря этому он создал о себе мнение, будто до Троянской войны он был Эталидом, сыном Гермеса, потом Эвфорбом, потом Гермотимом, потом Пирром из Делоса, а потом – после всех [перечисленных выше инкарнаций] – Пифагором. На это, очевидно, и намекает Софокл.

¹⁷ Фр. 13 Wehrli.

¹⁸ Ср. Порфирий, *Жизнь Пифагора*, 43 сл. и др.

(16) Сам он умер и похоронен вместе с учениками в итальянском городе Кротоне. Он имел обыкновение поступать так. Когда кто-либо приходил к нему с намерением стать его учеником, то ему предписывалось продать свое имущество и отдать серебро запечатанным Пифагору. После этого он должен был хранить молчание, когда три, а когда и пять лет, и учиться. Освободившись [из уединения] он получал разрешение оставаться с остальными в качестве ученика и делить с ними общую трапезу. В противном случае он получал назад залог и изгонялся. Эти люди становились эзотериками-пифагорейцами, остальные же – пифагористами. (17) Из числа его сторонников избежали гибели в огне Лисид и Архипп¹⁹, а также его слуга Замолксис, который, как полагают, научил кельтских друидов философии Пифагора. (18) Они говорят также, что числу и мере Пифагор научился у египтян. Будучи пораженным достопамятной, удивительной и нелегко доступной мудростью жрецов, он сам, подражая им, предался молчанию и заповедовал своим ученикам вести уединенную жизнь в подземных убежищах.

3. Эмпедокл

(1) Эмпедокл, живший после них, много говорил о природе демонов в том смысле, что, будучи многочисленными, они заняты тем, что управляют земными делами. Он утверждал, что началами всего являются Вражда и Любовь, что божеством является умный огонь монады (τὸ μονάδος νοεῖν πῦρ τὸν θεόν), и что все составляет из огня и в огонь разрушается. С этим мнением почти согласны и стоики, ожидающие воспламенения (ἐκπύρωσις). (2) Но более всего он согласен с учением о переселении души из тела в тело (μετεσσωμάτωσις), так говоря²⁰:

*Некогда я уже был мальчиком и девочкой,
Кустом, птицей и выныривающей из моря немой рыбой.*

(3) Этот [философ] утверждал, что души переселяются во всевозможных животных. Но ведь и Пифагор, учитель всех их, утверждал, что сам был Эвфорбом, сражавшемся под Троей, так как, как сообщается, узнал его щит. Таковы мнения Эмпедокла.

¹⁹ См. Ямвлих, *О пифагорейском образе жизни*, 249 сл.

²⁰ «Очищения», Фр. 117; ср. Диоген Лаэртский VIII 77; Климент, *Строматы*, VI 24, 3. Ср. т.ж. Климент, *Строматы* IV 12; Стобей, III 40, 5.

4. Гераклит

(1) Физический философ Гераклит из Эфеса оплакивал все, осуждая невежество всей жизни и всех людей, но испытывая жалость к жизни смертных. Он утверждал, что сам знает все, а другие люди — ничего. (2) Высказывания его почти во всем согласны с Эмпедоклом: он также утверждал, что начало всего – вражда и любовь, что бог – это умный огонь, что все движется в противоположных направлениях и ничто не стоит. (3) Эмпедокл считал, что пространство вокруг нас полно зла, причем зло простирается от околоземного пространства до Луны, а дальше не заходит, поскольку все надлунное пространство чище. И Гераклит думал так же.

5. [О плане книги]

После них были и другие физики, чьи мнения рассматривать нет нужды, так как они не отличаются от вышеизложенных. Однако поскольку, вообще говоря, [от них] произошла не незначительная школа, и много физиков, каждый из которых отстаивал свой взгляд на природу всего, представляется разумным, рассмотрев философию школы Пифагора (τὴν ἀπὸ Πυθαγόρου), в соответствии с преемством вернуться (κατὰ διαδοχὴν ἀναδραμεῖν ἐπὶ) к мнениям тех, которые пришли после Фалеса (τοῖς μετὰ Θαλήν), после чего мы сможем перейти к этической и логической философии: ведь Сократ является зачинателем этики, а Аристотель – диалектики.

6. Анаксимандр

(1) [Итак] слушателем Фалеса становится Анаксимандр. Анаксимандр, сын Праксиада, милетец. Сей сказал, что начало сущих [вещей] – некая природа бесконечного, из которой рождаются небосводы и космос в них. Он называет [природу бесконечного] «вечной и нестареющей» и [говорит], что она «объемлет все космосы». Время же, по его словам*** в том смысле, что рождение, бытие и гибель [миров-небосводов] предопределены. (2) Он утверждал, что начало и элемент сущих – бесконечное, первым введя это имя начала, и что, кроме того, имеется вечное движение, в котором происходит рождение небосводов. (3) Земля – парящее тело, ничто ее не держит, на месте же она остается вследствие равного расстояния от всех [точек периферии космоса]. Форма у нее округлая, {закругленная}, подобная барабану каменной колонны: из [двух] плоских поверхностей по одной ходим мы, а другая ей противоположна. (4) Светила возникают в виде круга огня, отделившись от огня, [рассеянного] в космосе, и охваченные аэром [= туманом], отдушниками же [в оболочке] служат некие трубковидные

проходы, через которые виднеются светила, поэтому, когда отдушины закрываются, происходят затмения. (5) Луна видна то полной, то ущербной вследствие закрытия или открытия проходов. Круг Солнца в двадцать семь раз больше <диаметра Земли, а круг> Луны <~в восемнадцать>; выше всего находится Солнце, ниже всего – круги неподвижных звезд. (6) Животные возникают*** по мере того, как солнце выпаривает из них [влагу]. Человек первоначально возник похожим на другое животное, т. е. на рыбу. (7) Ветры возникают оттого, что из воздуха выделяются тончайшие пары и, скучившись, приходят в движение; дожди — от испарения, испускаемого из находящихся под солнцем мест, молнии – когда ветер, обрушиваясь на облака, расщепляет их. Родился он в третий год сорок второй олимпиады [610 г. до н. э.].

7. Анаксимен

(1) Анаксимен, тоже милетец, сын Эвристрата, полагал, что начало – бесконечный воздух, из которого рождается то, что есть, что было и что будет, а также боги и божественные существа, а [все] прочие [вещи] – от его потомков. (2) Свойство (εἶδος) воздуха таково: когда он предельно ровен [уравновешен, однородно-усреднен, ὁμολότατος], то не явлен взору, а обнаруживает себя, [когда становится] холодным, теплым, сырым и движущимся. Двигается же он всегда, ибо если бы он не двигался, то все, что изменяется, не изменялось бы. (3) Сгущаясь и разрежаясь, [воздух] приобретает видимые различия. Так, растекшись [~ рассеявшись] до более разреженного состояния, он становится огнем; в нейтральном [букв. «среднем, промежуточном»] состоянии возвращается к [природе] воздуха; по мере сгущения из воздуха путем «валяния» образуется облако, сгустившись еще больше, [он становится] водой, еще больше – землей, а достигнув предельной плотности – камнями. Таким образом, важнейшие [принципы] возникновения – противоположности: горячее и холодное. (4) Земля плоская и оседлала воздух; равным образом и Солнце, и Луна и прочие звезды – все состоящие из огня – плавают по воздуху [собств. «ездят верхом»] вследствие плоской формы. (5) Светила произошли из Земли вследствие того, что из нее вздымается испарина; когда испарина разрежается, рождается огонь, а из возносящегося вверх огня скучиваются светила. В пространстве светил имеются также землястые образования, которые круговращаются вместе с ними. (6) Светила, по его словам, движутся не под Землей, как полагали другие, а вокруг Земли, как если бы вокруг нашей головы поворачивалась войлочная шапочка. Солнце прячется не потому, что заходит под Землю, но

потому, что скрывается за более высокими сторонами Земли, <зима же происходит> оттого, что оно удаляется от нас на большее расстояние. Звезды не греют из-за удаленности на большое расстояние. (7) Ветры рождаются, когда чрезмерно сжатый воздух в результате разрежения приходит в стремительное движение. Когда он скучится и загустеет еще больше, то рождаются облака, [которые] затем превращаются в воду. Град бывает, когда выпадающая из облаков вода замерзнет, снег – когда замерзнут сами облака, будучи при этом обильнее пропитаны влагой. (8) Молния – когда облака расщепляются силой воздушных потоков, ибо при их расщеплении возникает яркое огненное сияние. Радуга рождается оттого, что солнечные лучи падают на загустевший воздух, землетрясение – от изменений земли, вызываемых избыточным нагревом и охлаждением. (9) Таковы воззрения Анаксимена. Он был в расцвете в первый год пятьдесят восьмой олимпиады [548/547 г. до н. э.].

8. Анаксагор

(1) После него был Анаксагор, сын Гегесибула, клазоменец. Он считал началом всего ум и материю: ум – как творящую причину, материю – как становящуюся. Все вещи были вперемешку, а ум пришел и упорядочил. Материальные начала, по его словам, бесконечны [по числу], и малость их тоже бесконечна. (2) Все вещи были приведены в движение умом, и подобное сошло с подобным. Часть из них под действием кругового движения получила постоянное место на небе: плотное, влажное, темное, холодное и все тяжелое сошлись в середину (когда они затвердели, из них возникла Земля), а то, что этому противоположно: горячее, светлое, сухое и легкое, устремилось в даль эфира. (3) Земля имеет плоскую форму и парит, не падая, благодаря своей величине, а также потому, что не существует пустоты, и потому, что воздух, сила коего безмерна, удерживает Землю на весу. (4) Что касается наземной влаги, то море возникло из [первичных] земных вод (после испарения которых образовалось то, что имеется теперь) и от стока рек. (5) Реки питаются как дождями, так и подземными водами: земля-то полая, а в полостях — вода. Нил разливается летом потому, что в него стекают воды от [таяния] горных снегов. (6) Солнце, Луна и все звезды – раскаленные камни, охваченные круговращением эфира. Ниже звезд есть некие тела, которые вращаются вместе с Солнцем и Луной, невидимые для нас. (7) Тепло звезд мы не ощущаем, так как они на большом расстоянии от Земли, и к тому же не так горячи, как Солнце, поскольку занимают область похолодней. Луна ниже Солнца и ближе к нам. (8) Солнце по величине превосходит Пелопоннес. Свет у

Луны не свой, но от Солнца. Круговращение звезд происходит под Землей. (9) Затмения Луны бывают оттого, что ее заслоняет Земля, а иной раз и тела, [которые обращаются] ниже Луны; затмения Солнца — когда его заслоняет Луна, по новолуниям. Повороты Солнца и Луны происходят оттого, что их отбрасывает назад воздух. Луна поворачивает часто, так как не может одолеть холодное начало [=воздух]. (10) Он впервые точно определил условия затмений и лунных фаз. Он сказал, что Луна землеобразна и что на ней есть равнины и ущелья. Млечный путь — отражение света звезд, не освещаемых Солнцем. Падающие звезды как бы искры, которые срываются [с неба] от движения небосвода. (11) Ветры возникают оттого, что Солнце разжижает воздух, причем расплавленные [потоки] уходят в небесную высь, а оттуда отскоком несутся назад. Громы и молнии происходят оттого, что горячее [вещество] врывается в облака. (12) Землетрясения происходят, когда верхний воздух врывается в подземный: последний сотрясается, поддерживаемая им Земля колеблется. Животные первоначально родились во влаге, а потом [стали рождаться] одно от другого, причем самцы рождаются, когда семя, выделившись с правой стороны, приклеится к правой стороне матки, а самки — когда наоборот. (13) Он был в расцвете * * * <a умер> в первый год восемьдесят восьмой олимпиады [428 г. до н. э.]; в том же году, как сообщают, родился Платон. Про него говорят также, что он был провидцем.

9. Архелай

(1) Архелай, афинянин родом, сын Аполлодора. Он учил о смеси материи подобно Анаксагору и в учении о первоначалах держался таких же взглядов. Но, по его учению, в разуме (νοῦς) изначально налично некоторое количество смеси. (2) Начало движения — отделение друг от друга горячего и холодного, причем горячее движется, а холодное покоится. Плаваясь, вода течет в середину [космоса], где, подвергаясь обжигу, превращается в воздух и землю, из которых первый возносится вверх, а вторая оседает вниз. (3) Земля, стало быть, неподвижна и возникла в силу указанных причин, покоится же она в центре, будучи, можно сказать, ничтожно малой частью [букв. «никакой»] Вселенной. Воздух, испарившись под действием обжигания, преобладает надо всем; от него по мере его дальнейшего выжигания образовалась вначале природа звезд, из коих самая большая — Солнце, вторая по величине — Луна, а прочие разного размера. (4) Небо, утверждает он, наклонилось, и Солнце таким образом осветило землю, сделав воздух прозрачным, а землю сухой. В начале-то ведь она

была озером, так как кругом [=по краям] она возвышенна, а в середине вогнутая. В доказательство ее вогнутости он ссылается на то, что солнце восходит и заходит не одновременно для всех, что должно было бы происходить, если бы она была ровная, (5) Относительно животных он говорит, что при нагревании земли в начале [мирообразования] в нижней ее части, там, где смешивались горячее и холодное, возникли многочисленные животные и люди. Все они вели одинаковый образ жизни и питались илом, и причем были недолговечными, а впоследствии у них образовалось рождение друг от друга. (6) И отделились люди от прочих [животных], и учредили вождей, законы, ремесла, города и прочее. Разум, по его словам, врожден всем животным в равной мере. Ибо все животные пользуются разумом, одни медленнее, другие быстрее.

10. [Промежуточный итог]

(1) Философия природы, таким образом, продолжалась от Фалеса до Архелая. Слушателем последнего стал Сократ. Имеются также многие другие, высказавшие различные мнения о божестве и природе всего. Однако если бы мы задалась целью изложить здесь все их мнения, то нам пришлось бы добавить к этой еще множество книг. Так что, рассказав о самом необходимом, назвав по имени тех, которые заслуживают упоминания, будучи, так сказать, зачинателями [корифеями] всей последующей философии, устремимся в наших заметках к тому, что осталось еще рассмотреть.

11. Парменид

(1) Парменид полагает космос («все») единым, нерожденным и сферическим. Не избежал он и мнения многих, также называя огонь началом всего, землю считая материей, огонь — причиной и действующим началом [πλοῦν]. Он утверждает, что мир уничтожим, однако не говорит, каким образом. (2) Он же считает космос вечным, не возникшим, сферическим и однородным, не содержащим в себе частей [τόπος], неподвижным и ограниченным.

12. Левкипп

Напротив, Левкипп, спутник Зенона, придерживался иного мнения, утверждая, что существует бесконечное [число] вечно движущихся [тел] и что возникновение и изменение происходит непрерывно. Первоэлементами он считал полное и пустое. (2) По его учению миры происходят так. Когда в великую пустоту из окружающей [среды] соберется вместе множество тел, то тела, имеющие подобные фигуры и

сходные по формам, сталкиваясь друг с другом, сцепляются, и от их сцепления образуются светила; [последние] увеличиваются и погибают по необходимости. Что это за необходимость, он не определил.

13. Демокрит

Спутником Левкиппа стал Демокрит. Сын Дамасиппа, родом из Абдер, Демокрит свел знакомство со многими индийскими гимнософистами, египетскими жрецами и вавилонскими магами. (2) Подобно Левкиппу, он учит о первоэлементах, о полном и пустом, полное называя бытием, а пустое – небытием. Он считал, что сущие [атомы] вечно движутся в пустоте. Миры по его мнению бесчисленны и различны по величине. В некоторых нет ни солнца ни луны, в некоторых [они] больше наших и в некоторых их большее число. (3) Расстояния между мирами не равны, между некоторыми большие, между некоторыми – меньшие; одни миры еще растут, другие уже находятся в расцвете, а третьи разрушаются. Погибают они друг от друга, сталкиваясь [между собой]. Некоторые миры не населены животными и растениями и лишены влаги. (4) Земля нашего мира возникла раньше светил. Луна расположена внизу, затем солнце и неподвижные звезды. Что касается планет, то они не находятся на равной высоте. Мир пребывает в расцвете до тех пор, пока в состоянии принимать что-либо извне. Он все смеялся, считая достойными осмеяния все человеческие дела.

14. Ксенофан

(1) Ксенофан Колофонский, сын Ортомена. Дожил до [царствования] Кира. Он первым утверждал непостижимость всех вещей в следующих словах:²¹

*Если кому и удастся вполне сказать то, что сбывлось,
Сам все равно не знает, во всем лишь догадка бывает.*

(2) Он полагает, что ничто не возникает, не уничтожается и не движется и что «все» есть одно, [причем] вне изменения. Он также утверждает, что бог вечен, один, подобен в каждой точке [своего существа], конечен, шарообразен и обладает чувствительностью во всех [своих] частях. (3) Солнце ежедневно рождается из скопления маленьких огоньков, а Земля бесконечна и не окружена ни воздухом, ни небом. Существует бесконечное число солнц и лун, и всё – из земли.

²¹ Фр. В 34, ст. 3–4.

(4) Море, утверждал он, соленое, потому что в нем сливается много [веществ], образуя смеси. Метродор же говорил [70 А 19 DK], что море становится соленым оттого, что процеживается сквозь землю.

(5) Ксенофан думает, что земля смешивается с морем и со временем растворяется в воде, утверждая, что у него есть следующие доказательства: в глубине материка и в горах находят раковины. В Сиракузах, по его словам, был найден в каменоломнях отпечаток рыбы и тюленей, на Паросе – отпечаток лавра в толще камня, а на Мальте – плоские отпечатки всех морских существ.

(6) Эти [отпечатки], по его словам, образовались в древности, когда все обратилось в жидкую грязь, а отпечаток на грязи засох. Все люди истребляются, всякий раз как земля, погрузившись в море, становится грязью, а потом снова начинают рождаться. И такое основание бывает во всех мирах.²²

15. Экфант

(1) Некто Экфант из Сиракуз утверждал, что достичь истинного знания о сущем невозможно и что [каждый] определяет его по собственному разумению. Первичные тела неделимы и им присущи три различия: величина, форма, сила, а из них возникают чувственно воспринимаемые вещи. (2) Число их определено и при этом бесконечно. Двигутся тела не под действием тяжести и не от удара, а под действием божественной силы, которую он называет «умом» (νοῦς) и «душой». Космос – образ (ἰδέα) ума, поэтому он и возник шарообразным под действием божественной силы. Земля в центре космоса и движется вокруг собственного центра [с запада] на восток.

16. Гиппон

(1) Гиппон из Регия полагал началами холодное или воду и горячее или огонь. Рожденный водой, огонь победил силу родителя и создал космос. (2) Душу он отождествляет то с головным мозгом, то с водой, поскольку сперма, доступная нашему наблюдению, также состоит из влаги, а между тем из нее, как он утверждает, рождается душа.

17. [Заключение]

Думается, мы добавили [к предыдущему] достаточно других [мнений]. Теперь, рассмотрев мнения физиков, нам надлежит обратиться к Сократу и Платону, которые отдавали предпочтение этике.

²² Ср. Секст Эмпирик, *Против ученых*, X. 314 = В 33.

18. Сократ

Сократ ведь был слушателем физика Архелая. Он, почитая изречение «Познай себя», собрал вокруг себя большую школу (σχολή), в которую входил и Платон, превзошедший всех его учеников. Сам он не оставил сочинений. (2) Платон же, записав всю его премудрость, основал школу (διδασκαλείον), соединив физику, этику и диалектику. Платон определил следующее.

19. Платон

[Согласно Платону] существует три первоначала – Бог, материя и парадигма. Бог – творец и оформитель всего, выступающий также в качестве промысла. Материю же, которая всему подлежит, он называет сущим, кормилицей и восприимницей.²³ Из нее возникают четыре стихии, составляющие космос, – огонь, воздух, вода и земля, – из которых составлено все, что называется твердыми телами (συγκρίματα)²⁴, а также животные и растения. (2) Парадигма – это мысль (διάνοια) Бога, называемая также идеей, поскольку она является тем образом в душе Бога, на котором он сосредоточился в процессе сотворения мира.²⁵

(3) По его словам бестелесный и безвидный Бог ведом лишь мудрым; материя же тело лишь потенциально, а актуально – ничто. Ведь сама по себе она бесформенна и лишена качеств; лишь приняв форму и качества она становится телом.²⁶ (4) Таким образом, материя является началом совечным Богу, и поэтому мир не сотворен. Ведь

²³ *Тимей* 52 d.

²⁴ Термин стоический.

²⁵ Идеи являются мыслями Бога и обитают в некоей сфере идей. Эта доктрина является постулатом «базового учебника платоновской философии», который, как и следовало ожидать, использует Ипполит. Примечательно, что Ипполит помещает идеи в *душу* Бога. Такое предположение, как отмечает Диллон в своем комментарии к этому месту, уникально и может быть изобретением самого Ипполита.

²⁶ Вопрос о бестелесности Бога в особых комментариях не нуждается. А вот термин ἀνείδεος в этом контексте примечателен, поскольку, как правило, он является эпитетом материи (e.g. Philo, *Conf.* 85; *Did.*, 163, 5), и никогда, даже среди неоплатоников – эпитетом Бога. Материя далее описывается как «потенциальное тело, но не актуальное», что является перипатетической формулировкой, которую мы встречаем у Алкиноя (*Did.* 163, 6–7) и Апулея (*De Plat.* I 5, 192), но не у Ария Дидима. И это обстоятельство, как отмечает Диллон, хотя само по себе оно и не доказывает принадлежности источника Ипполита к «школе Гая», по крайней мере может служить как *terminus post quem*.

утверждается, что из нее составлен космос, а неуничтожимость есть следствие несотворенности.²⁷ Что же касается тела, то, будучи составленным из многих качеств и идей, оно возникает и гибнет.

(5) Некоторые платоники смешивают эти понятия (т.е. тварность и вечность), используя следующий пример. Как корпус (корабля) может быть назван пережившим разрушение, даже если каждую из его досок последовательно заменить на новую, но он сам при этом остается все тем же, так и космос последовательно разрушается в некоторых своих частях, но как целое все же остается вечным, поскольку все эти части удаляются и заменяются новыми равными частями.²⁸

(6) Некоторые утверждают, что по Платону Бог един, нерожден и не подвержен уничтожению, как об этом сказано в *Законах*: «Бог, согласно древнему сказанию, держит начало, конец и середину всего сущего»,²⁹ – что показывает, что он един, поскольку все заключает в себе. (7) Другие же настаивают на том, что богов бесконечно много, как видно из следующих слов [Платона]: «Боги богов! Я ваш демиург и отец».³⁰ (8) Есть и третьи, которые утверждают, что он говорит о конечном числе богов в таком выражении: «Великий Зевс на крылатой колеснице идет первым», затем перечисляя потомков Урана и Геи.³¹ Но есть и такие, которые утверждают, что боги рождены; а, будучи рожденными, с необходимостью подвержены уничтожению, и лишь благодаря божественной воле бессмертны, так как к словам, приведенным только что: «Боги богов! Я ваш демиург и отец», он добавляет: «Возникшее от меня пребудет неразрушимым, ибо такова моя воля».³² Так что если бы он захотел это разрушить, то с легкостью разрушил бы. (9) Он признает существование таких сущностей, как демоны, считая, что некоторые из них добрые, а некоторые – злые.

(10) Одни считают, что по его мнению душа не рождена и бессмертна, поскольку после слов: «Всякая душа бессмертна. Ведь вечнодвижущееся бессмертно», он показывает, что душа движет сама себя и является началом движения.³³ Другие полагают, что душа возникла, однако неуничтожима благодаря воле Бога. Третьи же [считают, что по Платону душа] – это составная [сущность],

²⁷ Об этом см. мои замечания в упоминаемой выше первой статье цикла.

²⁸ Ср. Плутарх, *Тесея*, 23, где то же самое говорится о корабле Теорис в Афинах. См. Philop. *Aet. Mundi* VI 21, p. 187, 2 sq.

²⁹ *Leg.* 715e7; *Did.* 28.3.

³⁰ *Tim.* 41a7; *Did.* 15.2.

³¹ *Phaedr.* 246e4.

³² *Tim.* 41a7.

³³ *Phaedr.* 245c5 sq.

подверженная возникновению и уничтожению. Ведь он говорит о вместилище (кратере) для нее и о том, что она имеет светящееся тело; а рожденное с необходимостью гибнет. (11) Однако позиция тех, которые настаивают на бессмертии души, существенно усиливается теми местами (из Платона), где говорится о суде после смерти и судилище в Аиде, а также о том, что благая душа получает хорошее воздаяние, а злая – подобающее наказание.³⁴ (12) Несмотря на это, некоторые утверждают, что он признавал перевоплощение (μετενσώματώσις),³⁵ так что различные души, предназначенные для этого, нисходят в разные тела, в соответствии с их индивидуальными достоинствами, и что через определенный период времени они снова отправляются в этот мир для того, чтобы вновь подтвердить свой выбор. (13) Согласно другим каждая [душа] обретает подобающее ей место, о чем свидетельствуют его слова о том, что одни добрые люди следуют за Зевсом, другие движутся по небесам с другими богами, а третьи получают вечное наказание, соразмерное злу и несправедливости, совершенным ими в течение земной жизни.³⁶ (14) Говорят, что по Платону некоторые вещи не имеют среднего (ἄμεσα), некоторые имеют такое среднее (ἕμεσα), некоторые же сами есть среднее (μέσα).³⁷ Например, бодрствование–сон и подобные пары – это состояния, не имеющие среднего; другие вещи имеют среднее, например, добро и зло; а некоторые вещи сами являются средним, например, как серое или другие цвета – это среднее между белым и черным. (15) По их мнению он считает, что все, относящееся к душе есть безусловное благо, телесные же и внешние блага являются таковыми не безусловно: он нередко называет их средним, потому что они могут быть как полезными, так и вредными. (16) Добродетели в отношении их ценности – крайности (ἀκρότητα), – ибо нет ничего ценнее добродетели, – но в отношении их сущности – среднее (μεσότητα).³⁸ По краям от них находятся пороки избытка и недостатка. Добродетелей, как он говорит, четыре: разумение,

³⁴ Cf. *Phaedr.* 113d; 114c; *Gorg.* 523c; 526b; *Phaedr.* 249a; *Rep.* 614c, etc.

³⁵ Термин «ревоплощение» до Ипполита никто не употребляет. См. ниже в связи со стойками.

³⁶ *Phaedr.* 250b7; cf. *Rep.* 617d; 619d, etc. См. первую статью цикла, с. 119, прим. 45.

³⁷ Это искаженная форма школьного разделения, которое упоминает Симпликий в своем комментарии на трактат *О небе* (332.1 Heiberg). В позднем платонизме обсуждался вопрос о том, являются ли ἄμεσα противоположностями. См. т.ж. Alex., in *Metaph.* 257, 32; 644, 7, 9.

³⁸ *Did.* 184, 12.

благоразумие, справедливость и мужество. Каждой из них соответствует по два порока, в качестве избытка и недостатка. Так разумению соответствует неразумие в качестве недостатка и коварство в качестве избытка; благоразумию соответствует бестолковость в качестве недостатка и разнузданность в качестве избытка; справедливости соответствует худшее положение в качестве недостатка и превышение требования в качестве избытка; мужеству соответствует трусость в качестве недостатка и дерзость в качестве избытка.

(17) Все эти добродетели, если они присутствуют в человеке, делают его совершенным и приводят к счастью. Счастьем же он считает уподобление Богу насколько это возможно. А уподобление Богу достигается, если святость и справедливость сочетаются с разумением. Таков предел (τέλος) совершенной мудрости и добродетели. Он утверждает, что добродетели согласуются между собой, единообразны и никогда не противоречат друг другу, в то время как пороки разнообразны и иногда следуют один за другим, а иногда – противоречат друг другу.

(19) Он говорит, что судьба правит миром, однако не все происходит в соответствии с ней, остается место и свободной воле, как сказано: «Ответственен принявший решение, бог не виноват» и «это распоряжение Адрастеи».³⁹ Так что одно происходит в силу необходимости, а другое – обусловлено нашим выбором.

(20) Однако грехи он считает невольными. Ведь в самую лучшую нашу часть, душу, никто не допустит зла, то есть порока. Лишь по незнанию или ошибке, думая, что совершают нечто достойное, они впадают во зло. (21) Это учение особенно хорошо выражено в *Государстве*,⁴⁰ где он говорит: «И вот вы вновь осмеливаетесь говорить, что несправедливость позорна и ненавистна богам. Так почему же вы добровольно избираете себе подобное зло? Потому, отвечаете вы, что все люди стремятся к наслаждениям. Но ведь это невольное побуждение, и победа над ним в нашей власти, не правда ли? Таким образом, наше рассуждение показывает, что несправедливость во всех отношениях бывает невольной». (22) Некоторые возражают ему, спрашивая, как можно оправдать

³⁹ *Rep.* 617e4; *Phaedr.* 248c2. Первое из этих мест цитируется также в *De fato* (568 b; 570 a), а второе Максимом Тирским (*Or.* 41, 5) и Халкидием в комментарии на *Тимей* (с. 154), однако ни одно из них не упоминается у Альбина или Апулея.

⁴⁰ Ипполит цитирует диалог *Клитофонт* (407 d, пер. С.Я. Шейнман-Топштейн), ошибочно полагая, что это место из *Государства*.

наказание, если зло совершается невольно? На что он отвечает, что сам скорее готов подвергнуться наказанию лишь бы избавиться от зла и.⁴¹ Так что наказание – это не зло, а благо, если оно оказывается очищением от зол. Кроме того, остальные люди, услышав о нем, не будут грешить, что оградит их от подобного заблуждения.

(23) Зло не может происходить по природе от Бога, а следовательно не имеет основы в себе самом (οὐτε καθ' αὐτὴν ὑπόστασιν ἔχειν), но возникает как противоположность и побочный продукт (παράκοιότησιν) блага, через избыток или недостаток (о чем мы уже говорили в связи с добродетелями).⁴² Несомненно, Платон, собрав воедино, как сказано, все три части философии, создал единую систему (ἐφιλοσόφησεν).

20. Аристотель

(1) Аристотель, ставший его учеником, свел философию к ремеслу (τέχνη) и особенно прославился в логике,⁴³ в качестве начал всего положив субстанции (οὐσία) и акциденции (συμβεβηκός).⁴⁴ В основе всего лежит одна субстанция и девять акциденций: количество, качество, отношение, место, время, обладание, положение, действие и претерпевание. (2) Субстанциями являются, например, Бог, человек и другие подобные сущности, которые подпадают под эти описания. Из акциденций, качество можно, например, усмотреть в белом или черном; количество – в двух кубитах или трех кубитах; отношение – это, например, отец и сын; место – «в Афинах», «в Мегарах»; время – десятая олимпиада; обладание – это, например, что-то приобретенное; положение – это, например, лежать; действие – это, к примеру, письмо

⁴¹ Cf. *Gorg.* 477a7; 478e4. Ответ его аналогичен тому, который дает Алкиной: наказание следует рассматривать как лекарство от зла, которое является недугом. Ср. «Очищение – отделение худшего от лучшего» (*Def.* 415d).

⁴² Как отмечает Дж. Диллон, эта формула стоического происхождения (*Gellius, Noctes Att.* VII 1, 8; *SVF* II 1170 sq.), однако к этому времени уже давно принята платониками (Филон в *Prov.* II 82 уже использует этот аргумент). Эта проблема не обсуждается ни Апулеем, ни Альбином, однако в одноименной речи (*Or.* 41) Максим Тирский следует именно такой линии аргументации.

⁴³ Нечто подобное см. Io. Philop. *In Ar. Anal. Pr.* 6.17 Wallies; *Greg. Naz., Or.* 28.10; 32.25 (PG 36, 24C; 202C).

⁴⁴ Сущность приводящим образом. Дальнейшее рассмотрение категорий соответствует тому, что мы находим в *Cat.* 4, 1b25; *Top.* A, 103b22; *Met.*, Z 2, 1028b36 etc. Cf. Нурп., VI 24, 2.

или, в целом, деятельность; претерпевание – это, например, получить удар.

(3) Он также считает, что некоторые вещи имеют среднее, а некоторые – нет, как мы говорили об этом в связи с Платоном. В большинстве случаев он согласен с Платоном, кроме учения о душе. (4) Платон считает душу бессмертной, Аристотель же – сохраняющейся на некоторое время (ἐπιδικαμένειν) <*> и затем разрушающейся в пятый элемент, который он вводит наряду с другими четырьмя элементами (огнем, землей, водой и воздухом), считая его более тонким [нежели остальные] и подобным пневме.⁴⁵

(5) Платон говорит, что благом является лишь то, что необходимо душе, и что этого достаточно для достижения счастья; Аристотель же вводит трехчастное деление благ, утверждая, что мудрец не сможет стать совершенным без телесных и внешних благ. Первые – это, например, красота, сила, острота восприятия и хорошее состояние (ἀρτιότης), а вторые – это, например, богатство, благородство, слава, власть, мир и дружба.⁴⁶ Внутренними качествами души он считает, как и Платон, разумение, благоразумие, справедливость и мужество. (6) Он полагает также, что злые вещи возникают в качестве противоположностей благим, и пребывают лишь в подлунном месте, не достигая надлунного [мира];⁴⁷ и что мировая душа бессмертна, а мир – вечен,⁴⁸ хотя отдельные души, как мы уже говорили, гибнут.

(7) Он занимался философией в Ликее, в то время как Зенон в портике, называемом «Расписным». Так последователи Зенона получили прозвище «стоики» от места собраний, то есть «стои»; в то время как ученики Аристотеля – от способа проведения занятий: ведь они имели обыкновение прогуливаться по Ликее, проводя свои исследования. Потому они и называются «перипатетики».⁴⁹ Таковы мнения Аристотеля.

21. Стоики

(1) Стоики способствовали развитию философии, развив искусство силлогизма и почти охватили ее определениями, причем Хрисипп и Зенон в этом отношении сходились во мнениях. Они также считали, что Бог как начало всего представляет собой наиболее чистое тело, и

⁴⁵ См. *SVF* II 809–822.

⁴⁶ Cf. *Arist., EN* A 8, 1098b12, etc.; *Diog. Laert.* V 30; *Stob.* II 124.15; 129.14 Wachsm.

⁴⁷ Cf. *Porph., De antro* 11; *Plut., De facie* 943 c–e.

⁴⁸ Cf. *Arist., De anima* A 3, 270a13; 4, 408b18.29; B 2, 413b24, etc.

⁴⁹ *Diog. Laert.* VII 3–5; cf. 10–12; *Ps.Gal., Hist. philos.* 4, etc.

на все простирается его промысел.⁵⁰ (2) Они считали, что судьба действует на все повсеместно, приводя следующий пример. Собака, привязанная к повозке, если она желает бежать за ней, одновременно и ведома и бежит добровольно, делая это самостоятельно и по принуждению [то есть, ведома необходимостью]. Если же она не желает бежать следом, то все равно будет вынуждена сделать это. То же самое можно сказать и о людях: даже не желая следовать, они против своей воли вступят на предписанный им путь.⁵¹

(3) Кроме того, они говорят, что душа бессмертна, хотя и телесна и рождается в результате охлаждения (ἐκ τῆς περιψύξεως) [пневмы] окружающим ее воздухом, потому и называясь «душой» (ψυχή). Они признают и перевоплощение (μετεσώματώσις), поскольку число душ ограничено.⁵²

(4) Они считают, что возгорание (ἐκπύρωσις) – это очищение этого мира, согласно некоторым – полностью, согласно другим – частично. [Согласно последним] мир подвергнется частичному очищению. Так что очищением они называют почти полное разрушение этого мира и возрождение из него нового.⁵³

(5) Они считали все телесным и тело, по их мнению, проходит сквозь тело так, что происходит перемещение, все наполняется, а пустоты не возникает.⁵⁴ Таковы мнения всех стоиков.

⁵⁰ SVF I 153, II 1029. О том, что Бог по Зенону телесен см. т.ж. Ps.-Galen, *Hist. philos.* 16. Ср. Clem., *Strom.* V 89, где Бог называется одновременно телом и пневмой, и простирается по всей сущности, или веществу (ср. *Prot.* 5).

⁵¹ SVF II 975. О судьбе и свободной воли у стоиков см. Цицерон, *О судьбе* 39–44 (SVF II 974) и далее. Пример Ипполита уникален.

⁵² SVF II, 807. О рождении души в результате охлаждения пневмы (ψυχή – ψύξις, ср. Plato, *Crat.*, 399d; Arist., *De anima* 405b28–29) говорят многие авторы (SVF II, 804–808). Правда Ипполит слово «пневма» не использует, так что текст приходится реконструировать. Термин «первоплощение» до Ипполита никто не употребляет, однако сомнительно, чтобы стоики действительно учили о чем-то подобном.

⁵³ SVF II 598; о воспламенении и возрождении мира см. SVF II 596–632. Термин διακόσμησις Ипполит не употребляет.

⁵⁴ SVF II 469; Проблема смешения и взаимопроникновения тел обсуждалась многими авторам (ср. SVF II 463–481). Сообщение Ипполита, в целом верное, все же неадекватно сложности концепции. Подробнее см. Солопова М.А. *Александр Афродизийский и его трактат «О смешении и росте»*. М., 2002.

22. Эпикур

Эпикур развивал воззрения, почти во всем противоположные.⁵⁵ В качестве начал всего он принимал атомы и пустоту. Пустота – это то место, которое способно вместить все могущее возникнуть, а атомы – это материя, из которой все состоит. (2) Из сочетаний атомов возникают как Бог, так и [все] элементы вкупе с [космосом] и всем, что в нем, в том числе живые существа и все остальное. Так что нет ничего рожденного или возникшего, которое не состояло бы из атомов. Он утверждает, что атомы – это наимельчайшие частицы, в которых не различить центра (κέντρον) или формы (σημεῖον) и которые не делимы; поэтому они и называются атомами.

(3) Признавая вечность и неуничтожимость божества, он отрицает [божественный] промысел, говоря, что нет провидения и судьбы, но все возникает само по себе (κατὰ αὐτοματισμόν). Божество располагается в пространстве между мирами, как он его называет, ибо за пределом мира (космоса) находится некое местопребывание божества, названное междумирием (τὰ μετακόσμια).⁵⁶ Божество [там] наслаждается покоем, пребывая в состоянии наивысшего блаженства (εὐφροσύνη), ничем не занимаясь и не побуждая других (οὐδὲ αὐτὸν πράγματα ἔχειν οὐδὲ ἄλλῳ παρέχειν).⁵⁷ (4) Как следствие в своем учении о мудром человеке он утверждает, что целью жизни является наслаждение. Однако разные люди понимают «наслаждение» по разному: одни как земные (τὰς θνητὰς) удовольствия, другие – как удовлетворение добродетелью.

(5) Он полагает, что человеческие души разрушаются, как и возникают, вместе с телами. Ведь они есть кровь, поэтому вытекая или изменяясь, приводят к гибели всего человека.⁵⁸ Отсюда он делает вывод, что нет судов в Аиде или [каких-либо иных] судилищ. Так что, если кто сумел избежать наказания за свои проступки в течение жизни, то потом он уже ни за что не отвечает. Таковы мнения Эпикура.

⁵⁵ ἐναντίαν. Примечательно, что так же характеризует Эпикура Псевдо-Гален (*Hist. Philos.* 3).

⁵⁶ Слишком краткое сообщение Ипполита затемняет учение о множественности миров. Ср. Diog. Laert. X 89; Cic., *De nat. deor.*, I 18; *De fin.*, II 75; *De divin.*, II 40; Lucret., III 18–24; V 146–155.

⁵⁷ Ср. гомеровское выражение: ἀλλήλησι γέλω τε καὶ εὐφροσύνην παρέχω, возбуждать друг в друге смех и веселье.

⁵⁸ Ср. Diog. Laert., X 65–67. Впрочем, у Диогена сказано, что «в других местах» Эпикур говорит, что душа состоит из особых атомов, «гладких и круглых, отличных даже от атомов огня».

23. Академики

(1) Философы еще одного толка (ἀἰρεσις) называются академиками, по имени тех, которые занимались в Академии. Основателем этого толка был Пиррон, поэтому их называют также пиррониками (Πυρρώνειοι).⁵⁹ Именно он впервые заговорил о непостижимости (ἀκαταληψία) всех вещей, готовый воздержаться (ἐπιχειρεῖν) от того или иного аргумента, лишь бы не утверждать что-либо с определенностью.⁶⁰ (2) О вещах умопостигаемых и чувственных нельзя утверждать ничего истинного, хотя людям кажется, что это возможно; всякая сущность текуча и изменчива и ничто не пребывает в одном и том же состоянии.⁶¹ (3) Одни академики говорят, что не следует высказываться определенно о началах чего-либо, но просто воздерживаться от определенного суждения о них. Другие же употребляют высказывание «не более» (οὐ μᾶλλον), говоря, что огонь «не более» огонь, нежели что-либо иное.⁶² Они не говорят «что это» (<τὸ τί ἐστίν>), но лишь «какое именно» (τὸ τοῖόνδε).

24. Брахманы

У индийцев есть секта, в которую входят те из брахманов, которые занимаются философией. Они ведут уединенный образ жизни, воздерживаются от животной пищи и любой приготовленной на огне еды, удовлетворяя голод лишь плодами, причем не собранными с деревьев, но упавшими наземь. Так они живут, утоляя жажду из реки Тагабена.⁶³ (2) Ходят они обнаженными, говоря, что тело создано божеством в качестве одеяния для души. Они считают, что Бог – это свет, однако не тот, который исходит от солнца или огня; Бог, по их представлению, – слово, однако не выраженное в звуке, но открывающееся разумению (ὁ τῆς γνώσεως), которым мудрые созерцают скрытые тайны природы. Именно этот свет, называемый логосом и Богом, знают лишь брахманы, через него отстраняясь от всевозможных пустых мнений, которые являются лишь последними одеяниями души. (3) Они презирают смерть, на своем

⁵⁹ См. Diog. Laert. IX, 61. Интересно, что Ипполит отмечает связь Пиррона с гимнософистами (см. следующий раздел).

⁶⁰ См. Sext. Emp., *Pyrrh. Hyp.* II 259.

⁶¹ Ср. Plato, *Tim.*, 42a; 33c; 43a; 82b; *Phileb.*, 42c; Sext. Emp., *Pyrrh. Hyp.* III, 115; *Adv. Math.*, VIII, 7; Plut., *De E* 392a–e.

⁶² См. Sext. Emp., *Pyrrh. Hyp.*, I 188–189.

⁶³ Вероятно, река Тингавена (*Μαχαβαρατα* III, 14233; VI 335).

языке называют <свет> Бога так, как уже было сказано, воспевая его в гимнах. Они не берут себе жен и остаются бездетными.

(4) Другие, избравшие подобный же образ жизни пересекают страну, переходят на другую сторону реки и поселяются там, более не возвращаясь назад. Они также называются брахманами, однако ведут иной образ жизни. Среди них есть женщины, от которых родились жители этих мест, которые, в свою очередь, производят на свет детей.

(5) То слово, которое они именуют Богом, <*> телесно и облачено во внешнее тело, словно одето в овечью шкуру; лишь сняв его оно предстает ясно перед взором. Брахманы говорят, что в теле, в которое они облачены, идет война, и считают что их тело раздрают многие конфликты, в которые, как в битву со многочисленными врагами, они вовлечены (как об этом уже говорилось ранее).

(6) Они считают, что все люди являются заложниками, каждый в своей битве: иной поработен чревоугодием или похотью, иной – сладострастием, гневом, весельем, чувственностью и т.д. К Богу же восходит лишь тот, кто достигнет победы над ними.

(7) Поэтому они обожествляют Дандамида, потому что он одержал победу в борьбе с телом. Его навещал Александр Македонский. То той же причине они презирают Калана, как человека, нечестиво отрешившись от их философии.⁶⁴ Избавившись от телесных пут, брахманы, как рыбы, выпрыгивающие из воды на чистый воздух, созерцают солнечный свет.⁶⁵

25. Друиды

Кельтские друиды постигли в совершенстве пифагорейскую философию, и научил их этой дисциплине Замолксис, ученик Пифагора, родом фракиец.⁶⁶ После смерти Пифагора он отправился туда и стал причиной распространения этой философии. Кельты чтити их как пророков и провидцев, так как они на основе пифагорейского искусства вычисления⁶⁷ и счета предсказали им некоторые [события]; о методах этого искусства мы также не умолчим, потому что на их

⁶⁴ Истории о гимнософистах, в том числе Дандамиде и Калане, см. Страбон XV, 1, 68 (из Мегасфена); Плутарх, *Александр*, 65.

⁶⁵ Ср. похожее сравнение, в связи с учением Василида: VII, 22, 13: «...как чистый и сухой воздух смертелен для рыбы и т.д.»

⁶⁶ О Замолксисе говорил еще Геродот (I 2, 17). О «греческом происхождении» варварской философии ср. Diod. Laert. I, 1, где друиды также называются семнофеями. Ср. Plin., *Nat. hist.* XVI, 249; Dionis Chrysost., *Or.* 49 (32) 8.

⁶⁷ Ψῆφος – буквально, камешек для счета или голосования.

основе некоторые решились установить особые толки. Друиды также практиковали магические обряды.

26. Гесиод

(1) Поэт Гесиод утверждает, что о природе он услышал от Муз. Музы же – это дочери Зевса. Девять дней и ночей непрерывно возлежал от избытка вождения Зевс с Мнемозиной и зачал в одном чреве девять этих Муз, так что Мнемозина беременела каждую ночь одной из них. (2) Вызвав затем их из Пиерии⁶⁸, то есть с Олимпа, он призвал их выслушать наставления о том

... как родились вначале боги и земля,
И реки, и беспредельное море, бушующее волнами,
И сверкающие звезды, и широкое Небо над нами,
И как распределили богатство, и как разделили почести,
И как впервые заняли обильноложбинный Олимп.⁶⁹

Об этом сообщите мне, Музы,

... С самого начала и скажите, что из них возникло первым.
– Перво-наперво возник Хаос (Бездна), а затем
Широкогрудая Гея (Земля), прочное седалище навек
Всех бессмертных, живущих на вершине снежного Олимпа,
И Тартар туманный в недрах широкодорожной Земли,
И Эрос (Любовь) — прекраснейший среди бессмертных богов,
Расслабляющий члены, всех богов и всех людей
покоряющий разум и соображение в груди.
Из Хаоса родились Эреб (Мрак) и черная Ночь,
А от Ночи произошли Эфир и Денница,
Которых она родила, зачав от Эреба в любовном совокуплении.
Земля (Гея) сначала родила равное себе
Звездное Небо (Урана), чтобы оно покрыло ее повсюду,
И да будет блаженным богам прочным седалищем навек,
Родила и высокие Горы – прелестные обиталища
Богинь-Нимф, которые живут в ущелистых горах,
Еще родила бурно волнующуюся неистошимую пучину
– Море (Понт), [все это] – без вожденной любви. А потом,
Разделив ложе с Небом, родила глубоководвертного Океана,

⁶⁸ Область в юго-западной Македонии, традиционно считающаяся местом, где обитают Музы и родиной Орфея (сына музы Каллиопы и Эагра – см. Apollod., I, 3, 2–3).

⁶⁹ *Теогония*, 108–113, пер. А.В. Лебедева, с изменениями.

Кея с Крием и Гипериона с Иапетом,
Тейю с Реей и Фемиду с Мнемосиной,
Златовенчанную Фебу и обворожительную Тефию.
После их всех родился, меж детей наиболее ужасный
Крон хитроумный. Отца многомощного он ненавидел.
Также Киклопов с душою надменною Земля породила.⁷⁰

Затем он перечисляет всех гигантов, рожденных Кроном; и далее где-то говорит, что Зевс был рожден Реей.

[Заключительное замечание]

(3) Все они рассуждали о природе и происхождении всего так, как изложено выше. Обратившись вниз в поисках божественного, они посвятили себя изучению сущности тварных вещей, восхищаясь величием творения и считая, его божеством, избрав каждый для себя ту или иную часть творения и не распознав Бога, <творца> и демиурга всего сущего.

(4) Как мне думается, я достаточно сказал о мнениях тех эллинов, которые занимались философией. За ними, приспособив все это для своих целей, последовали еретики, о чем я в скором времени расскажу. Однако сперва следует, как мне кажется, сообщить о мистериях и различных учениях о звездах или величинах. Ведь об этом, также ради достижения своих целей, многие рассказывают небывлицы. Поэтому нам следует сначала разоблачить их беспомощные мнения.⁷¹

⁷⁰ *Теогония*, 115–139, пер. А.В. Лебедева, с изменениями.

⁷¹ Этому должны были быть посвящены вторая и третья книги «Опровержения», однако они не сохранились.